

**РЕЖИССЕР
ЮБИЛЕИ**

Кама Гинкас отмечает 60-летие

ЧЕЛОВЕК МИРА

Ольга ФУКС

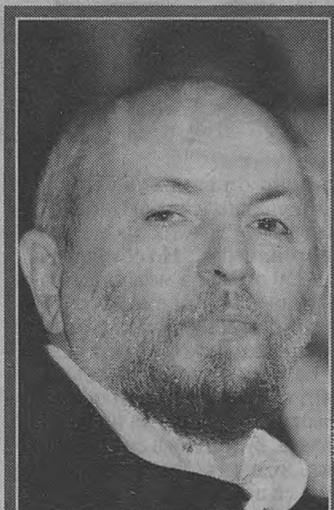
«Такое» — это ни много ни мало «Полифония мира», музыкально-театральное действо, эксклюзивная продукция и один из самых громких проектов нашей театральной Олимпиады. Задвинув на «когда-нибудь потом» свое сегодняшнее 60-летие, Кама Гинкас, засучив рукава, лепит из репетиционного хаоса «Полифонию», добивается созвучия и скоординированности (а попросту — гармонии) между танцовщиками и музыкантами всех видов и мастей: от французских перкуссионистов до австралийского губиста Джона Саса, от шаманов до Гидона Кремера.

Гинкас играет за артистов-инструментов, которые еще не присоединились к репетициям, по ходу выстраивая действие вокруг себя.

Подсаживает к русскому английского и французского по вкусу — насколько хватает словарного запаса.

Камланил, как шальной шаман, подстегивая ритм.

Подсаживает на летающий стул смуглого флейтиста: «Ты сюда по цвету подходишь». Лезет сам на самую вершину декорации Бархина, чтобы показать музыканту Аркадию, что залезть туда в принципе возможно (потом, правда, долго думает, как же ему слезть). Декорация сделана из специальной пены и напминает по форме и технологическому процессу застывшую лаву с элементами соц-арта («Чу-то вроде последствий катастрофы», — сформулировал Бархин поставленную перед ним задачу). Аркадий повторяет подвиг Гинкаса и даже втаскивает на вершину этих «Гималаев» свой альпийский рог, похожий на двухметровую «трубку мира» с опиумом (звучит, кста-

«М-да, не завидую я Каме — повернуть такое за двадцать дней», — пробормотал себе под нос друг и соавтор Камы Гинкаса художник Сергей Бархин.

нием (музыканты сказали бы — темой). Каждый должен достичь того, чтобы его голос прозвучал, не затерялся среди других голосов, и при этом был бы другим голосам созвучен. Как в природе. Воплотил эту идею в музыкальное произведение композитор Александр Бакши, Кама Гинкасу же досталась еще более эфемерная задача — оформить ее театральным действием. Еще несколько дней назад не было еще многих артистов, и где-то на границе торчал целый контейнер страсбургских ударников. Но уже собрались вместе Женя, Калоки, Жафар, Сергей, Жан-Клод, Геворг, Аркадий и другие со своими тримбитами,

рой. Стукнул. Еще раз. Услышал звук — целая музыка. И обрадовался: это я нашел закон, я пришел сюда и заявил о себе. Потом полелескался в воде — тоже звук, посыпал песок — еще звук. И он уже чувствует себя большим человеком, хозяином земли. И тут появляется Клод со своей птичкой...

Музыканты выходят один за другим, издают звуки. Звуки сначала конфликтуют или просто не реагируют друг на друга, но постепенно приходят к «единству и борьбе противоположностей». Гинкас в роли новорожденного со своими двумя камешками мечется между ними, пытаясь то подстроиться, то перестучать своих невозмутимых соседей по Вселенной. «Он был бы замечательным артистом», — шепчет Бархин.

А Гинкас между тем уже перекавалифицировался обратно в режиссера и старательно натаскивает дисциплинированных музыкантов на драматургию соперничества:

— Клод со своей птичкой и трещоткой должен играть так, что пусть хоть сам Кремер выйдет (а он и выйдет — О.Ф.), ему его птичка все равно больше нравится. Калоки, вам надо посмотреть, что же это за красивый мужчина играет, а после сыграть на своих сопелках. Отлично, Франсуа, — послушал, как эти дураки играют, и показал, как надо. Сергей, а вы выходите... Через центр? Спасибо, Генриетта Наумовна, — галантно благодарит муж жену за режиссерскую находку, которая спугала ему все карты, и тихо спрашивает Сергея, — а илья, вы можете играть? Нет? Ну ничего, идите себе через центр спокойно, потому что все равно кроме вас никто здесь играть не умеет. А вы настаивайте на своей печали, настаивайте. И пусть все, кто играет громко, затихнут, услышав нежный инструмент, но потом опять возмущаются за свое — мол, мы такие активные и не будем поддаваться на эти сантименты.

В детстве и юности Кама Миронович говорил на трех языках — учился в еврейской школе, с родными говорил по-литовски и начинал учить русский (позже к ним добавятся английский, как предмет первой необходимости, и французский). Листал польские театральные журналы — читать не читал, но разглядывал фотографии польских спектаклей, которые будили воображение. Привез с собой в Россию перевод Мрожека, когда даже его учитель Георгий Товстоногов не знал, кто это такой. География его мастер-классов и постановок растянулась почти через весь земной шар: Красноярск, Москва, Ленинград, Турция, Швеция, Финляндия, Англия, США. И в этом смысле его «юбилейное торжество» — репетиция «Полифонии мира» — выглядит очень естественно. Для человека мира самое подходящее занятие.

Идите себе по сцене спокойно, потому что все равно, кроме вас, никто здесь играть не умеет

ти, очень красиво). Но слезать не торопится — обустривается наверху, как отец Федор, хотя вниз старается не смотреть.

— Кама Миронович, а как называется болезнь боязни высоты?

— Вам не надо знать, у вас ее нет, — внушает тот, как заправский гипнотезер, и быстренько оборачивает все в шутку, пугая помощницу сложностью задачи:

— Наташа, важная проблема, позаботьтесь, чтобы там наверху был туалет.

На спектакле Аркадий вообще будет спускаться на свое место с парашютом.

Идея «Полифонии мира» проста, как все гениальное. Каждый человек приходит в этот мир со своим голосом и звуча-

трещалками, тибетскими горнами, чайными армянскими дудками, альпийскими рогами и утробным горловым пением. И все это рычит, стонет, шуршит, ухает, рыгает, заливаается, каркает вороной, скрипит гравием, громыхает громом, плачет и поет и при желании складывается в ликующее звучание мощного оркестра, которого, кажется, в мире еще не было.

— Буквально в первой части, которой еще нет, в месте, которое еще не построено, со страшным скрежетом и в страшных конвульсиях земли, которые сыграют ударники, выгатают за ножку маленького греческого артиста, — будит воображение своих артистов Кама Миронович. — Человек родился. Сделал пару шагов. Нашел камень, вто-